

Герасимова В. А. Еврейские общины Западной Сибири в XIX—XXI вв.: социокультурный облик / В. А. Герасимова // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 305—320. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-305-320.

Gerasimova, V. A. (2019). Jewish Communities in Western Siberia in 19th—21st Centuries: Sociocultural Image. *Nauchnyi dialog*, 6: 305-320. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-305-320. (In Russ.).

УДК 94(47).083+94(470)+35.075.711(569.4)“18/20”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-305-320

Еврейские общины Западной Сибири в XIX—XXI вв.: социокультурный облик¹

© Герасимова Виктория Александровна (2019), orcid.org/0000-0002-9968-3379, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия), gerasimova@bk.ru.

Анализируется состояние еврейских общин в Западной Сибири в исторической перспективе. На основе широкого круга архивных источников автор анализирует специфику жизни таких общин на протяжении четырех исторических периодов: до-революционного, смены политических режимов (1917—1919 гг.), советского и пост-советского. Особое место в статье отводится феномену регионального (сибирского) варианта еврейской идентичности. Цель статьи — проанализировать трансформации в понимании и воплощении идеи общинной жизни евреев, проживающих в Западной Сибири, на протяжении двух столетий существования еврейской диаспоры в регионе. Приводятся результаты количественного исследования — социологического опроса, проведенного автором осенью 2018 года. На основе компаративного анализа данных автор приходит к выводу, что социокультурный облик западно-сибирских общин сохраняет типичные характеристики еврейской региональной (сибирской идентичности). В то же время основные показатели уровня религиозности, национальной и культурной идентификации, половозрастных и образовательных характеристик соответствуют общей картине российского еврейства, что свидетельствует о тесной связи провинциального еврейства разных регионов России и российского еврейства в целом. Анализ динамики еврейской национально-культурной жизни в Западной Сибири дает основание считать тезис о наблюдающемся кризисе еврейской диаспоры в российской провинции преждевременным.

Ключевые слова: евреи; еврейская идентичность; сибирские евреи; еврейская диаспора; еврейская религиозность.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 17-78-10172 «Евреи в Западной Сибири в системе межнациональных отношений: история и современность».

1. Постановка проблемы

Тема кризиса еврейской идентичности и неуклонного сокращения еврейского населения в России звучит в абсолютном большинстве российских и зарубежных исследований о российских евреях. Неслучайно новейшая статья профессора Б. Миронова в одном из ведущих российских научных журналов носит характерное название «Кризис еврейской диаспоры в постсоветской России» [Миронов, 2017]. Устойчивая тенденция к сокращению численности еврейского населения, размывание границ этнической идентичности, влияние процессов глобализации, формирование новых типов сообществ (например, транснациональных) — это неполный список проблем, обсуждаемых современными исследователями российского еврейства. При этом авторы концентрировали свое внимание преимущественно на еврейском населении Москвы и Санкт-Петербурга, поскольку в этих городах традиционно проживает наиболее крупное по численности еврейское население, в них же базируются все еврейские организации, представлены все формы национальной жизни. Однако в настоящее время не существует ни одного крупного систематического исследования, полностью посвященного российским еврейским сообществам за пределами Москвы и Петербурга. Региональные данные или рассматриваются в качестве интегральной части больших проектов без поправки на географию, или анализируются в рамках микроисследований и не учитывают общероссийский контекст. Исходя из этого, автор статьи ставит цель выкристаллизовать социокультурный облик еврейской диаспоры российской провинции на примере Западной Сибири в исторической перспективе XIX—XXI веков.

2. Западно-сибирские общины в имперском контексте

Как известно, массовое еврейское население официально появилось в Российской империи в результате инкорпорации территорий бывшей Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 годах. Появление «черты оседлости» существенно затруднило миграцию евреев во «внутренние губернии» империи: здесь заметное по численности еврейское население начало появляться лишь в середине XIX века. Социальный состав евреев-мигрантов на восток от черты определялся прежде всего имперским законодательством: право на проживание за пределами черты получали определенные категории подданных иудеев (купцы первой гильдии, николаевские солдаты, ремесленники, обладатели высшего образования, узкие специалисты — список варьировался). Эти люди становились основателями новых еврейских общин по всей Российской империи.

Состав молящихся в синагогах Западной Сибири был весьма разнообразным. Прихожане представляли несколько группировок, крупнейшими из них, как правило, были ссыльные, отставные солдаты, купцы и предприниматели, их статус и влияние в общине зависел от комплекса факторов и определялся в каждом конкретном случае. При этом категории ссыльных и солдат, очевидно, были самыми проблемными и конфликтными. Мы обнаруживаем свидетельства этому как в архивных делах, напрямую связанных с конфликтами, так и в случайных упоминаниях. Несмотря на то что именно отставные солдаты зачастую были основателями официальных еврейских молитвенных обществ, их статус в общине был не высок. Так, например, каинский староста Шломо Ривва, отставной солдат, по его же словам, никогда не смог бы занять столь высокий пост при молитвенном доме, как «малоимущественный и к тому же солдат» [ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 1535, л. 26 об]. С конфликта в местной синагоге началась и история томской «военно-молитвенной школы». По словам основателя нового молитвенного общества Г. Цама, в томской синагоге солдаты «особенным приветствием не пользовались», а один случай окончательно вывел военных из терпения: староста синагоги не пустил группу верующих солдат провести молитву по случаю обрезания сына одного из их соратников в основном зале [Цам, 1909, с. 3]. Примерно в это же время, в 1875 году, собственную модельню построили тобольские солдаты [ГБУТО ГА, ф. и-329, оп. 2, д. 293, л. 1]. Несмотря на то что точные сведения отсутствуют, есть все основания предполагать, что одна из синагог в Омске также была солдатской: здания обеих синагог построены в шаговой доступности друг от друга с разницей в несколько десятков лет [Лебедева, 2003, с. 65]. Далеко не всегда в роли притесняемых и желающих отделиться выступали именно солдаты. В 1889 году на имя томского губернатора поступило ходатайство от ссыльных евреев о разрешении построить собственную синагогу. Основным аргументом просителей было «неприятное и пренебрежительное отношение к ним томских мещан и купцов из евреев, выражающееся даже в удалении их из синагоги» [Мучник, 1997 с. 21]. Губернское правление было склонно удовлетворить просьбу ссыльных, подчеркивая при этом, что должна быть построена не синагога, а молитвенный дом, но разрешение от вышестоящих инстанций так и не было получено.

В условиях малочисленности и рассеянности еврейского населения и, как следствие, невозможности создать полноценные религиозные, благотворительные, образовательные институты еврейское общество несло ответственность за прием всех оказавшихся в их поле зрения евреев. Применительно к Сибири основными группами риска, нуждавшимися в под-

держке, были ссыльные, кантонисты и солдаты, а позже выселенцы и беженцы.

Парадоксально, но обвиненные в начале XX века Ю. Островским в слабой религиозности и развитости национального самосознания сибирские евреи становились единственными хранителями иудейской традиции за Уралом, успешно абсорбировавшими выходцев из всех возможных уголков Российской империи, дававшими вновь прибывшим не только материальную и моральную поддержку, но и возможность сохранить свою этноконфессиональную идентичность. Как правило, в Сибирь евреи попадали поодиночке или отдельными семьями, если члены их семей желали следовать за ними. Если учитывать сибирскую специфику, а также правила расселения ссыльных, то будет очевидно, что шансов на сохранение религиозной традиции и передачи ее будущим поколениям у евреев практически не было. Однако имперская власть, мысля в терминах конфессионального государства, способствовала консолидации евреев. Примером формирования еврейского сообщества «сверху» может служить намеренное поселение ссыльных евреев в Каинском уезде местной администрацией, которая объясняла свои действия следующим образом: «ссыльные евреи имеют по крайней мере ту выгоду, что, жительствовав подле своих единоверцев, населяющих в значительном количестве город Каинск, всегда могут снискивать от них пособия в нуждах своих» [ГИАОО, ф. 3, оп. 1, д. 748, л. 37—37 об.]. Как правило, местные власти были склонны разрешать еврейским общинам легализовать свою деятельность, но в большинстве случаев власти центра и периферии не сходились во мнении: еврейские общинные инициативы чаще отклонялись, чем принимались.

3. От общины к «религиозной группе» (1920—1980-е годы)

Если имперские власти оперировали понятием «еврейское общество», в которое были включены все евреи-иудеи (а другие в контексте конфессионального государства евреями уже не считались), дифференцировали разные типы молитвенных зданий (синагога, молитвенный дом, молельня и т. д.), то для установившейся советской власти собственно религиозная община составляла «иудейское религиозное объединение» небольшой, в сравнении с общей численностью еврейского населения, группы. Все здания и имущество религиозных общин были муниципализированы, верующие оказались лишь арендаторами, а сами здания перестали ранжироваться по типу и значению, носили общее название иудейского культового строения — «синагога». Между имперским и советским периодами всего в течение двух лет с 1917 по 1919 годы еврейские общины Сибири и Урала

совершили качественный скачок в понимании сущности своей общинной жизни. Бурное развитие общественно-политических и национально-культурных инициатив среди еврейского населения Зауралья привело к пониманию необходимости реорганизации «старых» общин в новые демократические сообщества, возглавляемые общинными советами. В сферу деятельности общинных советов попадали все направления еврейской национальной жизни, от социального обеспечения до религиозных вопросов. Зонтичную функцию для реорганизованных общин выполнял Национальный совет еврейских общин Сибири и Урала [Нам и др., 2003, с. 206—241].

Век еврейских общинных советов был недолог: с приходом советской власти все общинные советы в начале 1920 года были расформированы, а единственным относительно самостоятельным объединением евреев стала религиозная община. Внутренняя деятельность религиозных общин в условиях советского государства регламентировалась их уставами. С одной стороны, утверждение уставов иудейских религиозных объединений в новой государственной системе было формальностью, с другой — полем для столкновений интересов общин с железной политикой большевиков в отношении религиозных организаций. Довольно типичным примером этого столкновения стала ситуация с томской религиозной общиной. В 1926 году положения устава еврейской общины 1-го прихода г. Томска по ул. Розы Люксембург, 36 (Хоральная синагога) были подвергнуты многочисленным корректировкам со стороны советской администрации [ГАТО, ф. р—430, оп. 1, д. 13, лл. 60—60 об]. В первом же пункте общине запретили именоваться «Томской еврейской религиозной общиной». Отныне это было «Еврейское религиозное общество», одно из трех подобных в городе, но не имеющее формально связи с другими приходами. Казалось бы, это не должно нарушить работу общины, однако в действительности приводило к целому ряду сложностей. В томской общине, как и в других еврейских общинах региона в дореволюционный период, имелся один раввин и собственно одно духовное правление, тогда как синагог и групп верующих было несколько (в Томске — три). Так называемые «приходы» управлялись собственными хозяйственными правлениями, но все общие вопросы религиозные евреи города решали сообща: содержали раввина, резников, кладбище, пекли мацу и вели благотворительную деятельность. Несмотря на многочисленные разногласия, три прихода означали лишь три территориальных филиала единого института — еврейской религиозной общины города. В первые же годы своего существования советская власть де-юре прервала традицию объединенной городской общины и разделила ее на «группы верующих». Отныне общины представляли инте-

ресы узкого круга верующих прихожан, а не всех евреев города. Община также потеряла право собираться частным порядком в квартирах и, что более важно, устанавливать тарифы и обязательные членские взносы для верующих. Это означало, что правление общества, которое тоже фактически ликвидировалось (вместо него действовали выборные уполномоченные), лишалось финансовых средств к поддержанию нормальной работы общины. Разумеется, все условия властей общиной были приняты.

Сохранившиеся списки верующих Хоральной и Солдатской синагог (то есть 1-го и 3-го прихода) в Томске, а также аналогичные списки из Омска позволяют получить представление о половозрастном составе верующих, официально внесенных в списки. Так, самой крупной группой верующих в Западной Сибири до 1930-го года была община томской Хоральной синагоги. В ней на сентябрь 1929 года, согласно спискам, насчитывалось 220 человек [ГАТО, ф. р—430, оп. 1, д. 13, лл. 122—130 об], в Солдатской синагоге числилось 128 человек [Там же, д. 90, лл. 20—22]. Для сравнения в Омске к 1927 году в числе официально внесенных в списки прихожан старого молитвенного дома значилось 102 человека [ГИАОО, ф. р—1326, оп. 4, д. 14, лл. 39—42], нового молитвенного дома — 87 человек [Там же, д. 13, л. 57—61]. Обращает на себя внимание разница половозрастного состава общин. Наиболее многочисленная община томской Хоральной синагоги отличалась самым молодым составом членов и заметным преобладанием женщин (59 % против 41 %), в солдатской синагоге соотношение было ниже (52 % и 48 %). В обеих омских общинах, напротив, наблюдалась противоположная тенденция: женщины составляли менее трети от общего числа членов общины. Неизвестно, насколько представленные в официальные советские административные органы данные соответствовали действительности. Возможно, это было связано с логикой внесения верующих в списки, тем не менее налицо существенные различия.

К началу 1930-х годов официально действовали (по имеющимся на данный момент сведениям) 2 синагоги в Омске, 1 — в Томске, 1 — в Новосибирске (исторического здания община лишилась, но синагога как место собрания и молитвы была организована в другом помещении). Однако уже в 1935 году омские евреи лишились одной из своих синагог, поводом для этого стала не «инициатива трудящихся», не невыполнение обязательств по ремонту, не малочисленность верующих, а внутриобщинный конфликт. В ходе конфликта между «старыми» и «новыми» лидерами общин в ход шли доносы и анонимки. Власть успешно использовала этот конфликт для закрытия одной из синагог [ГИАОО, ф. р—1545, оп. 1, д. 10, лл. 46—46 об., 71].

К 1946 году в Западной Сибири функционировали три общины: в Новосибирске, Томске и Омске. Однако в 1947 году принимается решение о снятии с регистрации иудейской общины Томска. Официальная причина — отсутствие раввина и неосуществление капитального ремонта здания. Попытки общины, в которой по состоянию на 1946 год списочно числилось 60 человек, отстоять свое право на сохранение синагоги успехом не увенчались: не помогли ни жалобы в местную администрацию, ни телеграммы в Москву [ГАТО, ф. р—1786, оп. 1, д. 15].

До сих пор речь шла о «старых» общинах, ведших историю своего непрерывного существования с дореволюционного периода. Однако в период Второй мировой войны колоссальный поток эвакуированных объектов и населения с западных территорий заметно пополнил еврейское население региона, в том числе в тех населенных пунктах, где прежде не отмечалось никакой организованной национальной еврейской жизни. Речь идет о городах Кемерово, Сталинск и Прокопьевск, куда в военные годы были переброшены крупные промышленные предприятия вместе с их персоналом. Прибывшие на новые места евреи организовали в частном порядке молитвенные собрания. Однако расцвет их деятельности пришелся на разгар кампании по борьбе с космополитами и буржуазными националистами, что привело к трагической развязке и уничтожению организованной религиозной жизни в этих городах [Генина, 2009; Каганов, 1994]. Следует отметить, что общины (а точнее, миньяны) были организованы в местах, где, за исключением эвакуированных, собственного еврейского населения не было, и фактически иудаизм был «импортирован» с западных территорий, это, вероятно, существенно снижало шансы общин на выживание. Более того, совпадение государственной репрессивной кампании с активной фазой деятельности общин привело к инкриминированию обвиняемым участия в религиозной деятельности.

Таким образом, с 1948 года на территории Западной Сибири были представлены разнообразные коллективные формы иудейской религиозной жизни: официально зарегистрированные общины (в Омске и Новосибирске), полулегальные общины, получавшие разрешение на выпечку мацы и проведение религиозных праздников окказионально (яркий пример такой общины — Томск), нелегальные миньяны, которые в свою очередь могли быть регулярными (по крайней мере, по субботам) или праздничными (одним из самых неожиданных мест существования миньяна в 1955 году стал город Исиль-Куль в Омской области) [ГИАОО, ф. р—2603, оп. 1, д. 13, л. 171]. Судя по имеющимся у нас данным, в некоторых городах сосуществовало несколько форм религиозной жизни евреев.

Круг вопросов, которые решали две официальные общины региона в послевоенный период, был типичен для всех иудейских объединений на территории СССР: выпечка мацы, обеспечение верующих кошерным мясом, борьба за право на благотворительную деятельность и контроль над погребальными вопросами (содержание кладбища, новые захоронения, проведение погребального обряда). При этом в деятельности новосибирской общины не наблюдалось ни намека на социальную активность за пределами религиозных вопросов, в этом она разительно отличалась от омских соседей. В Омске община предпринимала попытки встроиться в советскую действительность: организовывать лекции, приуроченные к советским праздникам, праздновать юбилеи вождей и годовщины Октябрьской революции. После ареста группы верующих во главе с раввином Э. Н. Столяром община попыталась продолжить намеченный курс на советизацию религиозной жизни. Однако под давлением властей, расценивших действия иудеев как «приспособленчество», община была вынуждена свернуть свои попытки по расширению сфер деятельности [Генина, 2008, 2010].

В 1960-х годах посещаемость синагог в будни и по праздникам начинает неуклонно снижаться. Это, разумеется, было связано с комплексом факторов: отсутствием ярких лидеров и неизбежным старением актива общин, ужесточением антирелигиозной политики в СССР вообще и в Западной Сибири, в частности [Горбатов, 2008; Сосковец, 2004], снижением уровня религиозности среди молодежи и т. д. К примеру, в 1966 году максимальная посещаемость омской синагоги в осенние праздники достигала 400 человек против 1000—1200 в 1949—1951 годах [ГИАОО, ф. р—2603, оп. 1, д. 52, л. 8].

Таким образом, Советская власть, изменявшая несколько раз свою политику в отношении еврейского меньшинства, свела к минимуму, а в большинстве случаев ликвидировала все официально существовавшие еврейские организации, образовательные и культурные институты, способствовавшие воспроизводству еврейской национальной жизни, разрушила традиционные общинные институты. Единственной официально разрешенной формой еврейской национальной жизни в СССР оставались религиозные общины, однако синагоги и молитвенные дома имелись далеко не в каждом крупном городе, а значит, доступа в них большинство евреев было лишено. К концу 1980-х годов даже официально зарегистрированные иудейские общины в Западной Сибири признавались властями как «затухающие» [ГАНО, ф. р—1418, оп. 1, д. 251, л. 9]: молодежь сторонилась синагог, религиозные лидеры отсутствовали, механизм преемственности поколений в передаче традиции был фактически разрушен.

4. «Национально-культурный ренессанс» и современное состояние

Возрождение еврейской национальной жизни в Западной Сибири, как и на всем постсоветском пространстве, связано с общим национально-культурным ренессансом в жизни этнических и конфессиональных групп бывшего СССР. В 1990-е годы во всех крупных городах Западной Сибири возникли разнообразные общественные еврейские организации. Пришли в регион и крупные международные еврейские организации, такие как «Сохнут», «Джойнт», молодежная студенческая организация «Гилель» и другие. Однако все созданные организации носили светский характер и преследовали каждый свои цели: местные — поддержание и развитие еврейской национальной культуры в регионе, международные — социальную поддержку, организацию процесса репатриации, знакомство населения с Израилем в различных его аспектах [Галашова 2004; Кофман 2000; Кофман 2003; Турецкая 2007]. Первые созданные иудейские религиозные объединения появились после национально-культурных сообществ, причем изначально западно-сибирская еврейская диаспора предпочла реформистское направление в иудаизме. Однако уже в конце 1990-х — начале 2000-х во главе религиозных объединений встали представители любавичского хасидизма, головной организацией которых является Федерация еврейских общин России (главный раввин — Берл Лазар). С середины 1990-х годов набор еврейских национальных организаций в регионе не претерпел существенных изменений, новых форм национальной жизни не возникло.

Анализ современного состояния еврейских общин Западной Сибири прежде не проводился. Вкупе с отсутствием достоверных данных по численности еврейского населения региона (последние данные — перепись 2010 года) это делает национально-культурную жизнь евреев на данной территории абсолютной *terra incognita*. Необходимость изучения современного облика общин обусловила проведение количественного анализа, в том числе в форме социологического опроса. В качестве исследовательского поля были избраны четыре области Зауралья — Тюменская, Омская, Томская и Новосибирская, объединенные по принципу непосредственного соседства и общности исторического прошлого.

Опрос проводился в течение двух месяцев с 1 сентября по 1 ноября 2018 года. В нем приняли участие 766 человек из 8 городов Сибири. Поскольку достоверных данных о численности еврейского населения в регионе в настоящее время нет, мы используем лишь примерные сведения по переписи 2010 года. Исходя из расчетов в соответствии с этими данными, можно заключить, что в опросе приняло участие около 13 % от общей численности населения. К опросу приглашались посетители еврей-

ских организаций, родители учеников и ученики еврейских школ старше 14 лет, а также участники региональных еврейских сообществ в соцсетях, небольшой процент респондентов привлекался методом «снежного кома». Основным требованием к респондентам была вовлеченность (в том числе минимальная) в национальную жизнь еврейской диаспоры в исследуемом регионе. Массовый очный опрос проводился в четырех городах: Новосибирске (233 человека), Томске (221 человек), Омске (166 человек) и Тюмени (129 человек). В этих городах было опрошено 98,3 % жителей. Еще 13 респондентов из Тобольска, Кемерово, Барнаула предоставили ответы путем онлайн-опроса, четверо не указали свой город. Было опрошено 55,5 % женщин и 43,9 % мужчин. 5 человек не указали свой пол.

Опрос показал, что большинство членов еврейской общины Западной Сибири относят себя к еврейскому народу (55,9 %) и при возможности указали бы в паспорте национальность «еврей» (64 %). 30 % идентифицируют себя с еврейским и русским народом одновременно. К русскому народу себя относят незначительное число респондентов — 9,9 %. Из них, отвечая, какую национальность указали бы в паспорте, 15,8 % ответили — «еврей», 65,8 % — русский, остальные 18,4 % указали другую национальность или затруднились ответить. Исходя из этого, следует предположить, что уровень национальной самоидентификации евреев Западной Сибири достаточно высок. Треть наших респондентов вовлечена в еврейскую жизнь в достаточной степени (31,5 %), треть вовлечена мало (32,6 %), а 15,5 % респондентов совсем не вовлечены. Количество вовлеченных в нееврейскую жизнь немного уступает этим показателям. Больше всего из мероприятий еврейской культурной жизни наши респонденты посещают нерегулярные культурные действа (42,6 %) и синагогу по праздникам (40,2 %).

Количество евреев, бывающих в синагоге регулярно и не посещающих ее, примерно одинаково: 27,2 % и 27,3 %. Остальные ходят только по праздникам (23,1 %) или очень редко (19,6 %). Незначительная часть респондентов затруднилась ответить (1,0 %), дала свой вариант (0,5 %) или пропустила вопрос (1,3 %). Большинство респондентов (38,6 %) не считает посещение синагоги обязательным для еврея, желательным ее посещение посчитали 28,6 %, а обязательным — 23,4 %. При этом религиозность не проявляется и в противопоставлении другим конфессиям. Так, посещение церкви не является чем-то запретным для евреев Западной Сибири: с различной частотой там бывали 65,9 % наших респондентов. Ведущий исследователь современного состояния российского еврейства Е. Э. Носенко-Штейн фиксирует схожие тенденции у евреев других регионов России [Носенко-Штейн, 2009]. При этом большого интереса к хри-

стианству у евреев не наблюдается: регулярно бывают в церкви 2,7 % респондентов. К евреям, перешедшим в другое вероисповедание, больше половины респондентов относятся индифферентно (63,2 %), но отрицательно относятся 20,9 %.

5. Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать несколько важных обобщающих выводов. С начала формирования первых официальных общин сибирское еврейство отличалось от своих соплеменников из Европейской России. Сибирские евреи дореволюционного периода характеризовались особой внутренней социальной иерархией, низким уровнем религиозности и слабым развитием религиозных институтов, высокой степенью аккультурации и включенности в межэтническое взаимодействие с окружающим населением, постепенной утратой национального языка как средства повседневного общения. Однако, несмотря на эти факторы, сибирские евреи отличались низкими показателями смешанных браков, смены вероисповедания и в целом демонстрировали высокий уровень национальной идентификации [Островский, 1911; Рабинович, 2003]. По сути, сибирские евреи впервые поставили вопрос об идентичности российского еврейства за пределами центров ашкеназской восточно-европейской национально-культурной жизни.

Последние социологические и антропологические исследования показывают, что для российского еврейства в целом характерно то, что было прежде особенностью именно еврейской сибирской региональной идентичности: высокий уровень национальной самоидентификации при более слабом выражении идентификации культурной. Относительная религиозная индифферентность, распространение типа «праздничное еврейство» (то есть участие в национально-культурной и религиозной жизни общины только по праздникам) и при этом достаточно высокий уровень национальной идентификации — все эти характеристики западно-сибирское еврейство по-прежнему сохраняет. Обращают на себя внимание также характерные для сибирского еврейства «позитивная идентификация» (узнали о своем еврействе не через негативный опыт), слабый интерес к христианству, значительный процент негативно относящихся к смешанным бракам. Пережив период «затухания» в условиях советского государства, евреи Западной Сибири реконструировали общинную жизнь, по сути взяв за основу модель «демократической самоуправляющейся общины» 1917—1919 годов в версии, предложенной сионистами, где религиозная составляющая являлась важной, но далеко не единственной стороной еврейского

национально-культурного строительства. Несмотря на отсутствие традиционных для сибирского еврейства миграционных волн из Европейской России и весьма ограниченный круг еврейских национальных организаций и объединений, еврейские общины Западной Сибири сохраняют свою этническую идентичность и позитивно оценивают перспективы развития еврейской национально-культурной жизни в регионах. Безусловно, наблюдаемый кризис еврейской диаспоры (преимущественно отток населения из России и ассимиляционные процессы) накладывает свой отпечаток на активность национальной жизни, однако количественный анализ состояния идентичности евреев Западной Сибири показывает, что эти общины сохраняют региональные особенности своей этничности и говорить об угасании еврейской национальной идентичности в провинциальной России преждевременно.

Источники и принятые сокращения

1. ГАТО — *Государственный архив Томской области*. Ф. 3. (Томское губернское управление). Ф. 3. Оп. 2. Д. 1535. Л. 26 об ; Ф. Р—430 (Томский горсовет) Ф. Р—430. Оп. 1. Д. 13. Л. 60—60 об., 122—130 об ; Д. 90. Л. 20—22; Ф. Р—1786 (Уполномоченный по делам религий) Ф. Р—1786. Оп. 1. Д. 15.
2. ГАНО — *Государственный архив Новосибирской области*. Ф. Р—1418 (Уполномоченный по делам религий). Р—1418. Оп. 1. Д. 251. Л. 9.
3. ГБУТО ГА — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в городе Тобольске* Ф. И—329 (Тобольское губернское управление) Оп. 2. Д. 293. Л. 1.
4. ГИАОО — *Государственный исторический архив Омской области*. Ф. 3. (Главное управление Западной Сибири) Ф. 3. Оп. 1. Д. 748. Л. 37—37 об ; Ф. Р—1326 (Омский губернский административный отдел). Р—1326. Оп. 4. Д. 13. Л. 57—61, Д. 14. Л. 39—42 ; Р—1545 (Райисполком Куйбышевского района) Р—1545. Оп. 1. Д. 10. Л. 46—46 об., 71 ; Р—2603 (Уполномоченный по делам религий) Оп. 1. Д. 13. Л. 171 ; Д. 52. Л. 8.

Литература

1. Галашова Н. Б. Томское региональное общество возрождения еврейской культуры / Н. Б. Галашова // *Томская область : национально-культурная жизнь : Статьи к энциклопедии «Народы и культуры Томской области»*. — Томск : D-Print, 2004. — С. 111—114.
2. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949—1953 гг.) / Е. С. Генина. — Кемерово : КемГУ, 2009. — 255 с.
3. Генина Е. С. Тема государства Израиль в обвинениях советских евреев в 1953 г. (по материалам Западной Сибири) / Е. Генина // *Материалы Пятнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике*. —

Москва : Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2008. — Ч. 1. — С. 282—290.

4. *Генина Е. С.* Еврейские общины Сибири в период кампании по борьбе с космополитизмом (1948—1953) / Е. С. Генина // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер». — Москва : Сэфер, 2010. — С. 282—292.

5. *Горбатов А. В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940—1960-е гг. — Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. — 408 с.

6. *Каганов В.* Нелегальные еврейские общины Кузбасса (конец 40-х — начало 50-х гг.) / В. Каганов // Вестник Еврейского университета в Москве. — № 2 (6). — 1994. — С. 46—53.

7. *Кофман Я.* «Джойнт» в Сибири и на Дальнем Востоке (90-е годы) / Я. Кофман // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Сборник материалов I региональной научно-практической конференции. 4—5 ноября 2000 г. / под редакцией Э. И. Черняка и Я. М. Кофмана. — Томск : Издательство ТГУ, 2000. — С. 129—133.

8. *Кофман Я.* «Джойнт» и еврейская благотворительность в Сибири на рубеже XX—XXI вв. / Я. Кофман // Страницы истории евреев Сибири в XIX—XX веках : сборник статей. — Красноярск : Кларетианум, 2003. — С. 211—227.

9. *Лебедева Н. И.* Храмы и молитвенные дома Омского Приитышья / Н. И. Лебедева. — Омск : Издательство Омского государственного педагогического университета : Полиграфист, 2003. — 255 с.

10. *Миронов Б. Н.* Кризис еврейской диаспоры в постсоветской России / Б. Н. Миронов // Новейшая история России. — 2017. — № 1 (18). — С. 170—193.

11. *Мучник Ю.* Очерки из истории евреев в досоветской Сибири (по материалам Томской губернии) / Ю. Мучник. — Томск : Издательство ТГУ, 1997. — 60 с.

12. *Носенко Е.* «Быть или чувствовать?» : Основные аспекты формирования еврейской самоидентификации у потомков смешанных браков в современной России / Е. Носенко. — Москва : ИВ РАН, 2004. — С. 211—227.

13. *Носенко-Штейн Е.* «Передайте об этом детям вашим, а их дети следующему роду» : Культурная память у российских евреев в наши дни / Е. Носенко-Штейн. — Москва : МБА, — 2013. — 576 с.

14. *Носенко-Штейн Е. Э.* Чужие среди чужих : существует ли православная еврейская идентичность / Е. Э. Носенко-Штейн // Этнографическое обозрение. — 2009. — № 3. — С. 20—35.

15. *Островский Ю.* Сибирские евреи / Ю. Островский. — Санкт-Петербург : [б. и], 1911. — 62 с.

16. *Рабинович В.* Еврей или сибиряк / В. Рабинович // Ab imperio. — 2003. — № 4. — С. 115—142.

17. *Сосковец Л. В.* Религиозные организации Западной Сибири в 1940—1960-е гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Л. В. Сосковец. — Томск, 2004. — 548 с.

18. Турецкая Е. М. Еврейские организации Новосибирска в период 1989—2004 гг. / Е. М. Турецкая // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке : история и современность : сборник материалов VIII региональной научно-практической конференции, Красноярск, 19—20 ноября 2007 г. / под редакцией Я. М. Кофмана. — Красноярск : Красноярский писатель, 2007. — С. 342—350.

19. Цам Г. Я. История возникновения в г. Томске военно-молитвенной солдатской школы, а в 1907 г. перестроенной и названной солдатской синагогой / Г. Я. Цам. — Томск : типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1909. — 23 с.

Jewish Communities in Western Siberia in 19th—21st Centuries: Sociocultural Image¹

© **Viktoriya A. Gerasimova (2019)**, orcid.org/0000-0002-9968-3379, PhD in History, research scientist, Omsk State University named after F. M. Dostoyevsky (Omsk, Russia), gerasimova@bk.ru.

The state of Jewish communities in Western Siberia in the historical perspective is analyzed. On the basis of a wide range of archival sources the author analyzes the specifics of the life of such communities during four historical periods: pre-revolutionary, change of political regimes (1917—1919), Soviet and post-Soviet. A special place in the article is given to the phenomenon of regional (Siberian) variant of Jewish identity. The purpose of the article is to analyze the transformations in the understanding and realization of the idea of community life of Jews living in Western Siberia for two centuries of the Jewish Diaspora in the region. The results of a quantitative survey conducted by the author in autumn 2018 are presented. On the basis of comparative analysis of the data, the author comes to a conclusion that the socio-cultural image of the West Siberian communities retains typical characteristics of the Jewish regional (Siberian) identity. At the same time, the main indicators of the level of religiosity, national and cultural identification, age and educational characteristics correspond to the general picture of Russian Jewry, which indicates a close connection between the provincial Jewry of different regions of Russia and Russian Jewry in general. The analysis of the dynamics of Jewish national and cultural life in Western Siberia gives grounds to consider the thesis of the observed crisis of the Jewish Diaspora in the Russian province premature.

Key words: Jews; Jewish identity; Siberian Jews; Jewish Diaspora; Jewish religiosity.

Material resources

GANO — *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti*. F. R—1418 (Upolnomochennyy po delam religiy). R—1418. Op. 1. D. 251. L. 9. (In Russ.).

GATO — *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti*. F. 3. (Tomskoye gubernskoye upravleniye). F. 3. Op. 2. D. 1535. L. 26 ob; F. R—430 (Tomskiy gorsovet). F. R—430. Op. 1. D. 13. Ll. 60—60 ob., 122—130 ob; D. 90. Ll. 20—22;

1 The article is financially supported by RSF within the project № 17-78-10172 “Jews in Western Siberia in the system of interethnic relations: history and modernity.”

- F. R—1786 (Upolnomochenny po delam religiy) F. R—1786. Op. 1. D. 15. (In Russ.).
- GBUTO GA — *Gosudarstvennoye byudzhethoye uchrezhdeniye Tyumenskoy oblasti Gosudarstvennyy arkhiv v gorode Tobolske*. F. I—329 (Tobolskoye gubernskoye upravleniye) Op. 2. D. 293. L. 1. (In Russ.).
- GIAOO — *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti*. F. 3. (Glavnoye upravleniye Zapadnoy Sibiri) F. 3. Op. 1. D. 748. Ll. 37—37 ob; F. R—1326 (Omskiy gubernskiy administrativnyy otel). R—1326. Op. 4. D. 13. L. 57—61, D. 14. Ll. 39—42; R—1545 (Rayispolkom Kuybyshevskogo rayona) R—1545. Op. 1. D. 10. Ll. 46—46 ob., 71; R—2603 (Upolnomochenny po delam religiy) Op. 1. D. 13. L. 171; D. 52. L. 8. (In Russ.).

References

- Galashova, N. B. (2004). Tomskoye regionalnoye obshchestvo vozrozhdeniya yevreyskoy kultury. In: *Tomskaya oblast': natsionalno-kulturnaya zhizn': Statyi k entsiklopedii «Narody i kultury Tomskoy oblasti»*. Tomsk: D-Print. 111—114. (In Russ.).
- Genina, E. S. (2008). Tema gosudarstva Izrail' v obvineniyakh sovetskikh yevreyev v 1953 g. (po materialam Zapadnoy Sibiri). In: *Materialy Pyatnadtsatoy yezhegodnoy mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaïke, I*. Moskva: Tsentr nauchnykh rabotnikov i prepodavateley iudaiki v vuzakh «Sefer». 282—290. (In Russ.).
- Genina, E. S. (2009). *Kampaniya po borbe s kosmopolitizmom v Sibiri (1949—1953 gg.)*. Kemerovo: KemGU. (In Russ.).
- Genina, E. S. (2010). Evreyskiye obshchiny Sibiri v period kampanii po borbe s kosmopolitizmom (1948—1953). In: *Nauchnyye trudy po iudaïke. Materialy XVII Mezhdunarodnoy yezhegodnoy konferentsii po iudaïke. Tsentr nauchnykh rabotnikov i prepodavateley iudaiki v VUZakh «Sefer»*. Moskva: Sefer. 282—292. (In Russ.).
- Gorbatov, A. V. (2008). *Gosudarstvo i religioznyye organizatsii Sibiri v 1940—1960-e gg.* Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russ.).
- Kaganov, V. (1994). Nelegalnyye yevreyskiye obshchiny Kuzbassa (konets 40-kh — nachalo 50-kh gg.). *Vestnik Evreyskogo universiteta v Moskve*, 2 (6): 46—53. (In Russ.).
- Kofman, Ya. (2000). «Dzhoynt» v Sibiri i na Dalnem Vostoke (90-e gody). In: Chernyak, E. I., Kofman, Ya. M. (eds.). *Istoriya yevreyskikh obshchin Sibiri i Dalnego Vostoka. Sbornik materialov I regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 4—5 noyabrya 2000 g.* Tomsk: Izdatelstvo TGU. 129—133. (In Russ.).
- Kofman, Ya. (2003). «Dzhoynt» i yevreyskaya blagotvoritelnost' v Sibiri na rubezhe XX—XXI vv. In: *Stranitsy istorii yevreyev Sibiri v XIX—XX vekakh: sbornik statey*. Krasnoyarsk: Klaretianum. 211—227. (In Russ.).

- Lebedeva, N. I. (2003). *Khramy i molitvennyye doma Omskogo Priityshya*. Omsk: Izdatelstvo Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: Poligrafist. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (2017). Krizis yevreyskoy diaspory v postsovetsoy Rossii. *Noveyshaya istoriya Rossii, 1 (18)*: 170—193. (In Russ.).
- Muchnik, Yu. (1997). *Ocherki iz istorii yevreyev v dosovetskoy Sibiri (po materialam Tomskoy gubernii)*. Tomsk: Izdatelstvo TGU. (In Russ.).
- Nosenko, E. (2004). «Byt' ili chuvstvovat'?: Osnovnyye aspekty formirovaniya yevreyskoy samoidentifikatsii u potomkov smeshannykh brakov v sovremennoy Rossii». Moskva: IV RAN. (In Russ.).
- Nosenko-Shteyn, E. E. (2009). Chuzhiye sredi chuzhikh: sushchestvuyet li pravoslavnyaya yevreyskaya identichnost'. *Etnograficheskoye obozreniye, 3*: 20—35. (In Russ.).
- Nosenko-Shteyn, E. (2013). «Peredayte ob etom detyam vashim, a ikh deti sleduyushchemu rodu»: *Kulturnaya pamyat' u rossiyskikh yevreyev v nashi dni*. Moskva: MBA. (In Russ.).
- Ostrovskiy, Yu. (1911). *Sibirskiye yevrei*. Sankt-Peterburg: [b. i]. (In Russ.).
- Rabinovich, V. (2003). Yevrey ili sibiryak. *Ab imperio, 4*: 115—142. (In Russ.).
- Soskovets, L. V. (2004). *Religioznyye organizatsii Zapadnoy Sibiri v 1940—1960-e gg.*: dissertatsiya... doktora istoricheskikh nauk. Tomsk. (In Russ.).
- Turetskaya, E. M. (2007). Yevreyskiye organizatsii Novosibirskaya v period 1989—2004 gg. In: Kofman, Ya. M. (ed.). *Yevrei v Sibiri i na Dalnem Vostoke: istoriya i sovremennost': sbornik materialov VIII regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Krasnoyarsk, 19—20 noyabrya 2007 g.* Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy pisatel'. 342—350. (In Russ.).
- Tsam, G. Ya. (1909). *Istoriya vozniknoveniya v g. Tomske voyenno-molitvennoy soldatskoy shkoly, a v 1907 g. perestroyennoy i nazvannoy soldatskoy sinagogoy*. Tomsk. (In Russ.).